

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫМ ПРОЦЕССОМ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЙНЫЙ АСПЕКТ

А. В. Сперанский,

*Институт истории и археологии, Уральское отделение
Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье представлена линия поведения властных структур СССР, стремившихся максимально использовать патриотический настрой православного духовенства в деле мобилизации всех сил и средств страны на отпор захватчикам. Подчеркивается, что новая религиозная политика сталинского режима являлась политическим маневром для полного подчинения церковного института интересам государства. Характеризуется новая модель управления религиозным процессом в стране: СНК СССР — Совет по делам Русской православной церкви — институт уполномоченных по религиозным вопросам на местах. На примере Уральского региона показана эффективность деятельности этих органов власти при взаимодействии с православным духовенством и верующими. Делается вывод, что созданная центр-периферийная система управления религиозным процессом позволяла максимально использовать его в интересах социальной консолидации не выпуская за рамки государственного регулирования.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, патриотизм, власть, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный, религиозная политика, политический маневр, центр-периферийная система, социальная консолидация.

В экстремальных условиях политических катастроф и военных коллизий Русская православная церковь всегда отстаивала патриотические взгляды. Эта историческая традиция прослеживается на всех этапах развития российской государственности: от славных деяний Сергия Радонежского до наших дней. В полную меру православный патриотизм проявился и в годы Великой Отечественной войны, когда непреклонная позиция церковного руководства, осуждающая фашистскую агрессию и призывающая к борьбе с захватчиками, нашла полную поддержку во всех епархиях, благочинных округах и приходах страны [19, с. 3]. По мнению американского исследователя Стива Майнера «русский народ воспринял эту войну как священную войну, войну за свою веру и свою страну, где патриотизм и православие — единое целое» [16, с. 82]. Поэтому совсем не случайно во всех русских православных храмах повсеместно служились молебны о даровании победы, среди верующих проводился сбор средств в фонд обороны, достигший к окончанию военных действий 300 млн руб. Кроме денег, верующие собирали теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, носки, ватники и тому подобное [11, л. 29].

Православные священники и верующие активно воевали в различных воинских подразделениях Красной Армии, участвовали в партизанском движении. Многие из них уходили на фронт отбыв срок в лагерях и ссылках. К 1941 г. число репрессированных за веру составило 350 тыс. чел., но перед лицом смертельной опасности, угрожавшей Отечеству, обида на власть уходила на второй план, и случаев отказа от военной службы по религиозным мотивам за все годы войны практически не было [18, с. 112]. Интересно, что по некоторым сведениям с августа 1941 г. по август 1943 г. в боях с фашистами участвовал С. М. Извеков, будущий патриарх Пимен.

За этот период он дослужился до звания старшего лейтенанта, был дважды контужен и после тяжелого ранения комиссован из армии [1, с. 7].

За самоотверженную деятельность на фронте и в тылу представители Русской православной церкви неоднократно отмечались Советской властью. Почти 40 священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 — «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», несколько десятков — медалью «Партизану Великой Отечественной войны» [15, с. 54].

По данным переписи 1937 г. 56,7 % населения СССР считали себя православными [14, с. 330]. Поэтому властные структуры «страны Советов» не могли игнорировать патриотический настрой православного духовенства, прекрасно понимая степень его влияния и отчетливо осознавая необходимость мобилизации и объединения всех внутренних сил на борьбу с грозным врагом. «Потепление» в религиозной политике стало хорошо продуманным и закономерным шагом сталинского режима, тем более, что церковные иерархи полностью признавали его приоритет, называя в своих заявлениях советскую власть «богоустановленной в СССР», а самого Сталина «нашим любимым, Богом данным, Верховным Вождем», «промыслом Божиим» поставленным над русским народом «для его блага, для его утешения и славы» [20, с. 49, 146, 169, 177].

Кардинальные изменения в отношении церкви и государства произошли в 1943 г., что объясняется благоприятной ситуацией, выразившейся в крупных победах на фронте, в успехах церковной патриотической деятельности, в стремлении нейтрализовать немецкую пропаганду по религиозным вопросам, в желании, накануне Тегеранской конференции, изменить негативное отношение стран-союзниц к церковному курсу большевиков.

В феврале 1943 г. И. В. Сталин разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны, что практически вернуло ей статус юридического лица. После встречи 4 сентября 1943 г. в Кремле Председателя ГКО с митрополитом Сергием (Страгородским), прошедшей в конструктивном русле, через 4 дня был проведен Архиерейский Собор, избравший Патриарха и Священный Синод, а также осудивший коллаборационизм [22, с. 121, 122, 124].

14 сентября 1943 г. И. В. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской православной церкви», председателем которого был назначен полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов. Подчеркивая значимость этого поста отметим, что он был отнесен к номенклатурным должностям и утверждался на заседании ЦК ВКП(б). Интересно, что с согласия Сталина Карпов сохранил и должность начальника отдела в структуре НКГБ. Это совмещение, воспринимавшееся как временное, затянулось до марта 1955 года, вплоть до прекращения активной деятельности Карпова в КГБ СССР. В состав Совета, кроме председателя, вошли еще четыре человека: заместитель председателя, два члена и ответственный секретарь. Кандидатуры на эти посты утверждались непосредственно СНК СССР по представлению Карпова. В штат центрального аппарата Совета также входил референтский, инструкторский и обслуживающий персонал, достигший к 1945 году количества в 40 человек [17, с. 305, 306].

Созданный орган осуществлял руководящие и контролируемые функции по отношению к Русской православной церкви. Патриарх и Священный Синод практически были лишены самостоятельности при решении вопросов, связанных с созывом Соборов, определением структуры управления церковью, утверждением правящих архиереев, назначением епархиальных епископов, направлением в приходы священников, открытием храмов, духовных учебных заведений и т.п. Все действия церковного руководства должны были непременно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством СССР [21, с. 64].

Государственный контроль за возрождением религиозной активности населения устанавливался и в регионах. На местах, параллельно с Советом по делам Русской православной церкви, организовывался институт уполномоченных по религиозным вопросам. Его задача сводилась к своевременной и точной реализации директив вышестоящего органа на местах. В каждой союзной, автономной республике, крае или области при высшем исполнительном органе власти, согласно Положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г., вводилась должность уполномоченного по делам Русской православной церкви [3, л. 12.]. Уполномоченный, подчиняясь напрямую руководству Совета по делам РПЦ, обязывался осуществлять наблюдение за религиозной обстановкой на вверенной ему территории. Все действия уполномоченного определялись специальной инструкцией, утвержденной Советом 5 февраля 1944 г. и ограничивавшей его деятельность решением вопросов, связанных только с жизнью

Русской православной церкви. Кроме того, в своей работе уполномоченный обязывался исходить из основополагающих правительственных законодательных актов, направленных на государственное регулирование церковных отношений в стране: декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (от 23 января 1918 г.); постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» (от 8 апреля 1929 г.); положения «О Совете по делам Русской православной церкви», утвержденного СНК СССР 7 октября 1943 г.; постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 г.).

Обязанности уполномоченного сводились к установлению контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений СНК СССР, относящихся к жизнедеятельности Русской православной церкви. Он также осуществлял учет всех действующих и закрытых культовых учреждений и определял возможности их использования по назначению. Важным направлением деятельности уполномоченного было рассмотрение заявлений-ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти. Кроме того, он обязывался предоставлять в Совет по делам Русской православной церкви, в высшие исполнительные органы власти республики, края, области необходимую информацию (поквартальные отчеты, статистические сводки) о состоянии религиозных дел на подконтрольном ему участке [3, л. 12; 4, л. 11; 12, л. 4.] .

Таким образом, несмотря на объявленную И. В. Сталиным «новую религиозную политику», предполагавшую некоторое ослабление государственного диктата, для того, чтобы не упустить инициативу в этом процессе, была выстроена новая жесткая модель управления: СНК СССР — Совет по делам Русской православной церкви — институт уполномоченных по религиозным вопросам на местах (республики, края, области). Основанная на жестком централизме, она позволяла регулировать религиозный процесс исключительно в интересах государства. Причем Сталину было выгоднее иметь дело с централизованной структурой Московской патриархии, так как такое положение дел давало возможность как контролировать, так и «ласкать» патриарха и епископат, разумеется настолько, насколько это было выгодно советской власти, преследующей собственные стратегические цели [18, с. 201].

Действенность и эффективность выстроенной во второй половине Великой Отечественной войны новой вертикали государственного управления религиозным процессом хорошо прослеживается на примере Урала. Здесь, впрочем как и в других регионах, подбор и расстановка кадров уполномоченных осуществлялись местными органами советской власти. На эту должность решениями областных исполкомов, назначались люди, имевшие солидный стаж работы в партийных структурах, общественных организациях, исполнительных комитетах или органах внутренних дел. Назначение и

снятие уполномоченного обязательно происходило при согласовании с руководством Совета по делам Русской православной церкви, напрямую подчинявшемуся СНК СССР. Для ведения текущих дел уполномоченные в соответствии со специальным постановлением СНК СССР «О штатах и должностных окладах работников аппарата уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК союзных, автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетов», утвержденным 18 декабря 1943 г., располагали небольшим аппаратом сотрудников с гарантированной заработной платой [3, л. 29; 12, л. 4].

Численность его состава зависела от размера территории, количества населения, уровня его религиозности, числа действующих и недействующих церквей, наличия или отсутствия в данном регионе православной епархии. Согласно штатному расписанию уполномоченный имел зарплату около 1000 руб., а оклады сотрудников его аппарата, как правило, не превышавшего двух человек, колебались от 250 до 300 руб. На Урале самый большой штат уполномоченного был в Молотовской области (ныне Пермский край). Он насчитывал три человека: уполномоченный Совета, секретарь и машинистка. Во всех других уральских областях и автономных республиках должности секретаря и машинистки были совмещены [3, л. 30—32].

Формирование административного аппарата уполномоченных по делам Русской православной церкви во всех регионах страны было осуществлено в январе — феврале 1944 г. В эти же сроки кадровый вопрос решился и на Урале. Местные власти остановили свой выбор на надежных функционерах, имевших организационные способности и опыт работы в управленческих структурах. Уполномоченным по делам Русской православной церкви в Молотовской области стал Л. Смирнов, в Свердловской — Б. Смирнов, в Курганской — В. Виноградов, в Челябинской — П. Ефимов, в Чкаловской — С. Тептярев, в Удмуртии — М. Родин, в Башкирии — В. Козлов [9, л. 23, 24; 2, л. 2]. Большинство из них добросовестно выполняли служебный долг и сохранили свои должности до окончания войны. Некоторые даже совмещали свою службу с другими ответственными постами. Так, уполномоченный по Молотовской области Л. Смирнов, наряду с основными функциями, исполнял обязанности заведующего секретным отделом облисполкома, являлся секретарем партийной организации этого исполнительного органа. Исключением стал только уполномоченный Совета в Чкаловской области (ныне Оренбургской). С. Тептярев, уличенный в принятии подношений, был отстранен от должности решением облисполкома [10, л. 60].

Случаи подобного рода были крайне редки, так как деятельность уполномоченных жестко контролировалась не только местными органами власти, но и инструкторами Совета по делам Русской православной церкви, постоянно совершавшими поездки в регионы страны. На Урале неоднократно бывал член Совета Г. Уткин, осуществляя проверку практической работы уполномоченных, деятельности церковных советов и ревизионных комиссий, прово-

дя конкретные инструктажи на местах. Посещения московскими контролерами регионов носили не только проверяющий характер, но и содействовали организации повседневной работы с духовенством и верующими.

Совершенствованию государственной религиозной политики на местах способствовала кустовая система обучения уполномоченных по делам Русской православной церкви. На регулярно проводимых региональных совещаниях определялись цели работы, происходил обмен опытом, разъяснялись задачи государства по отношению к религии. По принципу территориального деления были сформированы пять кустов. Уполномоченные по Чкаловской области и Башкирии участвовали в совещаниях четвертого куста, работавшего в Куйбышеве, а уполномоченные по Свердловской, Молотовской, Курганской, Челябинской областям и Удмуртии повышали квалификацию в Свердловске. Первое совещание, в котором приняли участие уполномоченные всех регионов страны, состоялось в Москве 1 апреля 1944 г. В ходе его работы были обсуждены информации с мест, заслушан доклад Г. Г. Карпова «Русская православная церковь в Великой Отечественной войне и задачи Совета по делам Русской православной церкви» [4, л. 48, 48 об.].

Существенное изменение государственной религиозной политики привело к значительному росту активности духовенства и верующих на Урале. Немаловажную роль в этом сыграли и сохранившиеся в народе христианско-православные традиции, быстро возрождавшиеся в условиях смены политической ситуации. Подталкивали людей к поиску решения злободневных проблем в сфере религии гибель на фронте родных и близких, колоссальные материально-бытовые трудности. В результате в 1943—1945 гг. под надзором уполномоченных по делам Русской православной церкви в регионе возобновляется деятельность православных епархий, происходит процесс открытия культовых учреждений, воссоздания приходов, церковных общин, упрочивается их общественный статус и экономический базис.

К весне 1944 г. с согласия СНК СССР, под контролем Совета по делам Русской православной церкви и местных уполномоченных на Урале возобновляется деятельность 4 епархий, границы которых совпадали с государственным административно-территориальным делением. Две уральские области, Свердловскую и Челябинскую, охватила Свердловская епархия. Архиерейскую кафедру здесь возглавил епископ Варлаам (Пикалов), получивший титул Свердловский, по городу, где находилась его резиденция и кафедральный собор. В Молотовской области стала действовать Молотовская епархия, куда на пост Епархиального Архиерея был назначен епископ Александр (Толстопятов) с присвоением ему титула Молотовский и Соликамский. Была восстановлена деятельность Удмуртской епархии во главе с архиепископом Сарапульским Иоанном (Братолобовым), продолжила работу Башкирская епархия, руководимая архиепископом Уфимским Стефаном (Проценко). Огромная работа по возобновлению религиозной пропаганды и возрождению

культовых учреждений была проделана в Оренбуржье, что способствовало регистрации Чкаловской епархии под руководством епископа Чкаловского и Бузулукского Мануила (Лемешевского) сразу после войны.

Перечисленные архиереи были амнистированы и освобождены из мест заключения благодаря смене религиозной политики. Перед вступлением в должность их кандидатуры были тщательно проверены уполномоченными, обсуждались на всех уровнях местной и центральной власти. Каждый из них был высокообразованным человеком, накопившим огромный профессиональный и просто житейский опыт. Епископ Свердловский Варлаам (в миру Пикалов Константин Васильевич) до уральского назначения получил высшее духовное образование в Московской духовной академии, преподавал в Новгородской семинарии, являлся помощником инспектора Казанской духовной академии, наместником Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, настоятелем Калязинского монастыря, викарием Тульской епархии, епископом Ефремовским, Каширским, Рыбинским, Новосильским, имел сан архиепископа, полученный в 1936 г. [5, л. 5, 2, 2 об, 3, 22, 34, 36, 37].

Солиден был послужной список и других руководителей православных епархий Урала. Епископ Молотовский Александр (в миру Толстопятов Александр Михайлович) служил архимандритом, настоятелем ряда пермских церквей, являлся епископом Алма-Атинским; архиепископ Сарапульский Иоанн (в миру Братолобов Иван Васильевич) имел степень кандидата богословия, работал в Казанской духовной академии. Интересно, что некоторые церковные руководители имели высшее светское образование и ранее владели престижными мирскими профессиями. Так, возглавивший в конце войны Свердловскую епархию епископ Товия (в миру Остроумов Александр Ильич) в начале своего жизненного пути получил университетское образование и работал археологом, епископ Молотовский Александр в молодости был офицером российского флота, а епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил имел высшее библиотечное образование [5, л. 2, 3, 36, 37].

Отметим, что высокий интеллектуальный и профессиональный уровень, незаурядные организаторские способности давали возможность руководителям православных епархий Урала, умело используя благоприятную для церкви ситуацию, находить компромисс с властными органами и вести целенаправленную политику на реставрацию былого влияния духовенства на общество. Эта задача упрощалась лояльным отношением населения к воссозданию православных приходов, проведению церковных служб и отправлению других религиозных обрядов. Важно указать, что за период с 1943 по 1945 г. на Урале практически не осталось ни одного района, откуда бы не поступило заявление с ходатайством об открытии церкви или молитвенного дома. В итоге, к концу войны с согласия властей на Урале возобновили деятельность 88 православных храмов, что на 157 % превысило их количество в июне 1941 г. [21, с. 66].

Таким образом, религиозный процесс набирал обороты и созданная централизованная система государственного управления должна была постоянно действовать, чтобы не упустить контроль за ним. Часто просители не удовлетворялись разрешенной властями процедурой, а своими активными действиями стремились ускорить положительное решение вопроса. В городах, деревнях и селах Уральского региона распространялись письма религиозного содержания, церковные активисты посещали дома граждан, призывая их активизировать участие в возрождении церковной жизни. Бывали случаи, когда религиозные чувства, долгое время подавляемые господствующей в стране атеистической идеологией, выплескивались в массовые шествия, коллективное отправление тех или иных церковных обрядов. Так, в Гафурийском районе Башкирии постоянно организовывались массовые моления у источника «явленной иконы Табынской божьей Матери». По свидетельствам уполномоченных по делам Русской православной церкви обрядовые действия по «обновлению икон», крестные ходы с песнопениями по поводу различных церковных событий постоянно совершались и на других территориях Урала [6, л. 28; 7, л. 18, 18 об., 67, 159, 119; 13, л. 1, 2].

Стремилась максимально использовать «религиозный бум» в целях расширения своего влияния на население и священнослужители. Они вели среди жителей региона антиатеистическую пропаганду, являлись инициаторами ходатайств к органам власти, содержащих просьбы об открытии храмов, о разрешении проводить церковные обряды и ритуалы. Иногда это приводило к превышению предоставленных им государством прав, что незамедлительно порождало негативную реакцию властей. Наиболее распространенным нарушением существующего законодательства было начало деятельности священников без санкции местных органов управления. Так, епископ Молотовской епархии Александр (Толстопятов) в 1944 г. несколько раз своими распоряжениями направлял в приходы священников, но их деятельность пресекалась администрацией как незаконная. Уполномоченный по Молотовской области неоднократно указывал епархиальному архиерею, что открытие церкви и начало служб возможно только после положительного решения СНК СССР и официальной регистрации культового учреждения, священнослужителя и приходской общины в соответствующих органах [8, л. 24].

В Курганской области имели место факты, когда прибывшие в села священники предъявляли справки о своем назначении, подписанные высшими духовными лицами Московской Патриархии, в том числе и Святейшим Патриархом Сергием. Во всех случаях церковная деятельность этих духовных пастырей вызывала сопротивление со стороны региональных уполномоченных по делам РПЦ, местных властей и в конечном итоге ставилась вне закона [7, л. 159]. Следует отметить, что в годы войны открытие церковью без государственной санкции, начало религиозной деятельности священников, не прошедших регистрацию в местной администрации, было явлением повсеместным. Оно также наблюдалось на Среднем и Южном Урале, в Оренбуржье, Башкирии

и Удмуртии. Даже после оперативных вмешательств уполномоченных по делам РПЦ и местных властей, пресекающих подобные действия, требы и службы продолжали совершаться духовными лицами в домах и на квартирах верующих нелегально [7, л. 18, 18 об, 59, 74. 159; 8, л. 112, 113, 119; 13, л. 14].

Зачастую нелегальные обряды и ритуалы, совершаемые на частных квартирах, противоречили не только административным установкам властей, но и расходились с каноническими положениями Патриаршей церкви, официально признанной государством. Имелись случаи собраний старообрядцев, наблюдалась активизация деятельности обновленцев, григорианцев, непоминающих и других представителей раскола. Наряду с пропагандой своих религиозных идей, адепты этих течений призывали не признавать ставленников Московской Патриархии, саботировать все их мероприятия. К примеру, прибывший в январе 1944 г. в Чкалов (ныне Оренбург) из мест заключения обновленческий епископ Серафим (в миру Позднев Михаил Алексеевич) незаконно объявил себя епархиальным архиереем, разъезжал по городам и селам области, призывая не поддаваться «хитрости религиозной реформы советской власти» и требуя не признавать «большевистского Патриарха» [13, л. 14].

Пропагандистские поездки представителей церковного раскола не были единичными случаями и регистрировались уполномоченными по делам РПЦ практически во всех областях и автономных республиках Урала. Они сеяли зерна недоверия к проводимой в стране новой религиозной политике, вызывая ее неприятие среди верующих, выражавшееся как в распространении слухов, так и в организации прямых беспорядков. Донесения уполномоченных буквально пестрят зафиксированными цитатами из высказываний «духовных лиц», занимавшихся «хождениями» по территориям областей и республик. Их анализ показывает явно проявляющуюся тенденцию от осуждения нерасторопности местных властей до категоричных утверждений о нежелании самой Верховной власти наладить церковно-государственные отношения [7, л. 31; 13, л. 4, 5].

Нередко разгоряченные подобного рода слухами верующие преступали черту закона и пытались самостоятельно решить возникшие религиозные проблемы. Так, в селе Суертском Курганской области группа радикально настроенных мирян попыталась самовольно, без разрешения властей, открыть православную церковь. Когда же местная администрация воспрепятствовала этому, ссылаясь на постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей», в селе возникли волнения, сопровождаемые слухами об обмене верующих [7, л. 160]. Судя по отчетам уполномоченных по делам Русской православной церкви, такого рода беспорядки в 1944—1945 гг. происходили также в Башкирской и Удмуртской автономных республиках, в Свердловской, Молотовской, Челябинской областях. Время от времени активное давление на местные органы власти верующих имело успех. В частности, в Молотовской области исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся некоторых районов под нажимом недовольных разрешили открытие церквей в

ряде населенных пунктов. Но в конечном итоге эти решения были отменены в результате вмешательства уполномоченного по делам Русской православной церкви, доказавшего незаконность действий местных администраций [8, л. 25].

Тотальный контроль над духовенством и верующими, осуществляемый при помощи созданной модели управления, нельзя рассматривать только с отрицательной стороны. Тот же Совет защищал верующих и священников от незаконных действий местных властей, выступал с инициативами перед правительством о расширении прав церкви, предоставлении ей тех или иных льгот. С участием Совета и уполномоченных по делам РПЦ были подготовлены и утверждены СНК СССР многие документы, оказавшие положительное влияние на процесс нормализации государственно-церковных отношений. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 1930-е гг., открытие культовых учреждений и духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили к концу войны значительно улучшить положение Православия.

И все же, «новая религиозная политика» носила ярко выраженный дуалистический характер, выражавшийся как в стремлении сталинского режима использовать патриотический потенциал православной церкви в оборонных целях, так и в желании «сдерживать религиозные чувства», способные навредить советской государственности. Поэтому и выстроенная в годы войны центр-периферийная модель управления религиозным процессом, представлявшая властную вертикаль в лице СНК СССР, Совета по делам РПЦ и института уполномоченных на местах, позволяла церковным институтам способствовать общественно-политической консолидации только в рамках дозволенных социалистическим государством границ, а в случае выхода за их пределы имела все возможности подавить несанкционированные действия.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920—1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

Литература и источники

1. Белавенец, С. Монах от юности. Памяти покойного патриарха Пимена / С. Белавенец // *Московский церковный вестник*. — 1991. — № 8.
2. ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15.
9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47.
12. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 41.
13. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43.
14. Жиромская, В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года / В. Б. Жиромская // *Труды Института российской истории РАН*. 1997—1998 гг. — Вып. 2. — М.: ИРИ РАН, 2000. С. 324—338.

15. Зеленова, О. В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Зеленова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2015. — № 3 (41). — Т. 8. — С. 52—63.

16. Майнер, С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941—1945 / С. М. Майнер. — М.: РОССПЭН, 2010. — 455 с.

17. Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. / М. И. Одинцов. — М.: РОССПЭН, 2014. — 424 с.

18. Рокуччи, А. Сталин и патриарх. Православная церковь и советская власть. 1917—1958 / А. Рокуччи. — М.: РОССПЭН, 2016. — 584 с.

19. Русская православная церковь и Великая Отечественная война: сб. церковных док. — М.: Московская патриархия, 1943. — 100 с.

20. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: сб. док. / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. — М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. — 778 с.

21. Сперанский, А. В. Православие и бюрократия: решение церковного вопроса в годы Великой Отечественной войны / А. В. Сперанский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2016. — Т. 16. — № 3. — С. 63—67.

22. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви / В. Цыпин. — М.: Хроника, 1994. — 256 с.

23. Fletcher, W. C. A study in Survival: the Church in Russia 1927—1943 / W. C. Fletcher. — New York: The Macmillan Company, 1965. — 168 pp.

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: avspersansky@mail.ru

Поступила в редакцию 20 мая 2019 г.

DOI: 10.14529/ssh190310

SOVIET MODEL FOR MANAGING THE RELIGIOUS PROCESS UNDER THE CONDITIONS OF GREAT PATRIOTIC WAR: CENTER — PERIPHERAL ASPECT

A. V. Speransky, avspersansky@mail.ru
Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation

The paper presents line of behaviour of the USSR, who tried to use patriotic spirit of the Orthodox clergy for mobilizing all forces of the country to fight back the invaders. The paper emphasizes that new religious policy of the Stalinist regime was a political manoeuvre for complete subordination of the Church institution to the interests of the state. A new model for managing the religious process in the country is characterized: the Council of People's Commissars of the USSR - the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church - the institution of ombudsmen for local religious affairs. The example of the Ural region shows the effectiveness of the activities of these authorities in interaction with the Orthodox clergy and believers. The paper concludes that the center-peripheral system for managing the religious process made it possible to maximize its use in the interests of social consolidation without releasing it beyond the framework of state regulation.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, patriotism, power, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, authorized person, religious policy, political manoeuvre, center-peripheral system, social consolidation.

The work is executed at support of RFBR, project № 18-09-00614 “Soviet model of management in the 1920s-1940s: the interaction between the center and regions (based on materials of the Urals)»

References

1. Belavenec S. Monah ot yunosti. Pamyati pokojnogo patriarha Pimena [Monk from a young age. In memory of the late Patriarch Pimen] // Moskovskij cerkovnyj vestnik. 1991. № 8, p. 7. (in Russ.).
2. State archive of Kurgan region. F. R-1800. Op. 1. D. 2.
3. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 1.
4. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 2.
5. State archive of the Russian Federation. F. 6991. op. 2. D. 4.
6. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 1. D. 13.
7. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 13.
8. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 15.
9. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 32.
10. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 35.
11. State archive of the Russian Federation. F. 6991. Op. 2. D. 47.
12. State archive of Orenburg region. F. R-617. Op. 1. D. 41.

13. State archive of Orenburg region. F. R-617. Op. 1. D. 43.
14. Zhiromskaya V.B. Otnoshenie naseleniya k religii: po materialam perepisi 1937 goda [Attitude of People to Religion: based on the Census of 1937] // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1997 — 1998 gg. Vyp. 2. M.: IRI RAN, 2000, pp. 324—338. (in Russ.).
15. Zelenova O.V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War] // Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. № 3 (41). T. 8, pp. 52 — 63. (in Russ.).
16. Majner S.M. Stalinskaya svyashchennaya vojna. Religiya, nacionalizm i soyuznicheskaya politika 1941 — 1945 [Stalin's holy war. Religion, nationalism and allied politics 1941 — 1945]. M.: ROSSPEHN, 2010. 455 p. (in Russ.).
17. Odincov M.I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' nakanune i v ehpohu stalinskogo socializma. 1917 — 1953. [Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917 — 1953]. M.: ROSSPEHN, 2014. 424 p. (in Russ.).
18. Rokuchchi A. Stalin i patriarh. Pravoslavnaya cerkov' i sovetskaya vlast'. 1917 — 1958. [Stalin and the patriarch. Orthodox Church and Soviet Power. 1917 — 1958.]. M.: ROSSPEHN, 2016. — 584 p. (in Russ.).
19. Russkaya pravoslavnaya cerkov' i Velikaya Otechestvennaya vojna. Sbornik cerkovnyh dokumentov [Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War. Collection of church documents]. M.: Moskovskaya patriarhiya, 1943, 100 p. (in Russ.).
20. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941 — 1945 gg.: Sbornik dokumentov [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. 1941 - 1945: Collection of documents] / Sost.: O.Yu. Vasil'eva, I.I. Kudryavcev, L.A. Lykova. M.: Izd-vo Krutickogo patriarshego podvor'ya, 2009, 778 p. (in Russ.).
21. Speranskij A.V. Pravoslavie i byurokratiya: reshenie cerkovnogo voprosa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Orthodoxy and bureaucracy: the solution of the church question during the Great Patriotic War] // Vestnik YUUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki». 2016. T. 16. № 3, pp. 63 — 67. (in Russ.).
22. Сурин В. Историya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [History of the Russian Orthodox Church]. M.: Hronika, 1994, 256 p. (in Russ.).
23. Fletcher W.C. A study in Survival: The Church in Russia 1927 — 1943. New York: The Macmillan Company, 1965, 168 p.

Received May 20, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сперанский, А. В. Советская модель управления религиозным процессом в условиях Великой Отечественной войны: центр — периферийный аспект / А. В. Сперанский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 68—74. DOI: 10.14529/ssh190310

FOR CITATION

Speransky A. V. Soviet model for managing the religious process under the conditions of Great Patriotic war: center — peripheral aspect. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 3, pp. 68—74. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190310